

Нина Пушкова, известная по многим кинофильмам российская актриса театра и кино, недавно издала в издательстве “Алгоритм” “Роман с Постскриптумом”, а сейчас готовит следующую книгу, две главы из которой мы предлагаем нашему читателю.

НИНА ПУШКОВА

член Союза писателей России

В ГОСТЯХ У ДОЧЕРИ ХРУЩЁВА

Это было в самом начале 90-х.

В Москве готовился русский перевод книги американского историка Роберта Таккера о Сталине. Он приехал в Москву вместе со своей женой. Дочь Хрущёва Юлия пригласила нас к себе на квартиру, где она давала ужин в честь четы Таккеров. Сын Хрущёва Сергей в то время уже эмигрировал в Америку, а дочь Юлии Нина, названная в честь Нины Петровны, жены Никиты Сергеевича, училась в Америке и по тому, как она говорила об этой стране, было ясно, что на родину она возвращаться не собирается.

— Алёш, ну почему дети руководителей страны покидают её? Дочь Сталина, дети и внуки Хрущёва? — спрашивала я мужа. — Может быть, есть какие-то тайны, которые они знают, а мы не знаем?

— Ну вот, заодно сама и спросишь, — ответил мне Алексей.

Ужин проходил в центре Москвы, на “Новослободской”, в просторной квартире, обставленной мебелью из карельской берёзы.

Таккеры пришли вовремя и, несмотря на длительный перелёт и 8-часовую разницу во времени, были очень оживлёнными. Когда нас познакомили, мы начали говорить по-английски, но жена Роберта Евгения вдруг неожиданно для нас перешла на русский. Её муж как человек, много писавший о России и работавший в наших архивах, тоже понимал русский.

— У меня русские корни, — объяснила Евгения с едва заметным акцентом.

— А у вашего мужа тоже русские корни? Он говорит по-русски так же, как вы?

Мистер Таккер улыбнулся и сказал, что понимает лучше, чем говорит. И как только разговор зашёл о политике, тут же перешёл на английский.

В новой квартире, которую Юлия получила в недавно отстроенном “Цэковском” доме, было очень мило. Хозяйка была общительным человеком. Она работала в театре Вахтангова, и у неё дома собиралась московская элита: актёры, художники, политики, музыканты.

Поначалу все разошлись по квартире и общались, так сказать, по интересам.

В “актёрской” группе обсуждали новые спектакли, готовящиеся к постановкам пьесы, режиссёрские замыслы.

В “экономическом” углу известный депутат и экономист Николай Петрович Шмелёв, бывший муж Юлии, с которой она оставалась в хороших отношениях, вдохновенно рассказывал о знаменитой тогда депутатской межрегиональной группе.

Потом хозяйка пригласила всех за стол, и все споры-разговоры сразу же стали общими.

Поскольку главным гостем оказался 70-летний Роберт Таккер, то мнение американца о Сталине, Хрущёве и роли того и другого в истории страны оказалось в центре внимания.

Нам, 35-летним, были интересны эти люди: они жили во времена Сталина, лично знали Хрущёва, кто-то из них пережил войну, кто-то рассказывал об эвакуации, а кто-то – о годах репрессий.

Вдруг Евгения Таккер, оглядывая сверкающую янтарём мебель из карельской берёзы и дотрагиваясь до тарелки из знаменитого Кузнецовского фарфора, громко произнесла:

– Я вспоминаю, как у нас всё это реквизировали, когда родителей репрессировали. Вывезли всё: мебель, фарфор, мамы драгоценности, даже одежду. Мы остались голые и босые...

“Боже, – подумала я. – Наверное, она из “бывших”, дворянка. Она же сказала, что у неё русские корни. Как интересно. Надо бы расспросить её об этом подробнее”. И как бы в продолжение темы, в надежде на волнующий рассказ, я спросила:

– А кто были ваши родители?

– Мы жили в Доме на набережной, – гордо ответила Евгения.

Мне этот ответ мало что объяснил.

– А кем они были, ваши родители?

– Они были революционерами.

Этот ответ поразил меня ещё больше.

– Я не поняла, а кем они были... – я искала точное слово и, так и не найдя его, сказала, – по профессии?

Мне хотелось услышать необычную историю о жизни необычной семьи, с родовой мебелью, фарфором, драгоценностями, в которую ворвались революционеры и всё конфисковали.

– Они были, – твёрдым и уверенным голосом, негодуя на мою непонятливость, произнесла Евгения, – они были профессиональными революционерами.

– А как это – профессиональные революционеры?! Это что, работа такая? Я правильно поняла, что революция была их профессией? – теперь и мой голос зазвенел.

– Да. Они делали революцию в России.

– Откуда же у них тогда был фарфор и драгоценности? Нас в школе учили, что революционеры были бедные и помогали бедным.

За столом повисла пауза.

Но дочь профессиональных революционеров ничто не могло смутить.

– Тогда это конфисковывали у врагов революции...

– Расстрелянных врагов революции, – добавила я. – Но ведь всё это было не ваше. Вы всё это получили после того, как это отобрали у арестованных, у расстрелянных, разве нет? Я была в Доме на набережной. Там в некоторых квартирах до сих пор стоит конфискованная мебель с инвентарными номерами на задних панелях. У вас была такая же мебель, с инвентарными номерами?

Теперь уже за столом установилась просто-таки гробовая тишина. И даже всё прекрасно понявший профессор Таккер, вместо того чтобы защитить жену, смущённо молчал.

А эмигрировавшая в США дочь профессиональных революционеров обижено замкнулась в себе, поскольку, видимо, была убеждена, что всё это – от старинной мебели до столового серебра, – отнятое и украденное профессиональными революционерами у бывших владельцев, должно было по праву принадлежать её семье.

УБИЙСТВО В СВЕТЛАЮ НОЧЬ

Как был умирщвлён Великий князь Михаил Романов

Светлая летняя ночь с её обволакивающим жемчужно-серым светом не могла скрыть два запряжённых лошадьми крытых фаятона, появившихся на Сибирском тракте у Мотовилихинских заводов на окраине Перми. Они проехали мимо пушечного завода и керосинового склада, ещё полгода назад именовавшихся заводом Нобеля, и резко повернули в лес.

Отъехав саженей на 100–120 от дороги, из фаятонов выскочили четверо мужчин с пистолетами, в чёрных одеждах. Они грубо выволокли двух пленников. Один из них – высокий мужчина в светлом длинном плаще, – похоже, не понимал, что он пленён и через пару минут простится с жизнью. Жизнь ему была обещана особым распоряжением председателя Петроградской ЧК М. С. Урицким, что было подтверждено бумагой от управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича “О свободном проживании в Перми бывшего Великого князя М. А. Романова”. Князь также обратился в Совнарком с просьбой сменить фамилию Романов на фамилию жены – Брасов. Большевики всё обещали, но ничего не выполнили. Той ночью, с 12 на 13 июня 1918 года, Великий князь Михаил Романов был убит.

* * *

Об этой трагической истории долгое время знали в основном архивисты. Однако три года тому назад в Пермском государственном архиве появился иностранец и рассказал, что у него есть документы, проливающие новый свет на убийство родного брата российского императора Михаила Романова и его верного друга, помощника и секретаря Брайана Джонсона.

Расследование убийства по вновь открывшимся обстоятельствам занялся Пермский следственный комитет. Запросили все сохранившиеся по делу документы. Из письменных показаний расстреливавших выяснили: задумал убийство и руководил им местный большевик Ганька Мясников. Жестокий, прошедший “школу ненависти” у Якова Свердлова, который частенько навещался в Пермь, чтобы искоренить всякое человеческое милосердие и сострадание у местных соратников.

Ганька рано начал самостоятельную жизнь. В его деревне не было школы, и отец отправил 8-летнего сына в город учиться. В 13 лет он закончил ремесленную школу, но возвращаться в деревню и помогать отцу не захотел. Нарушил уговор. Родитель осерчал и лишил его довольствия. И Ганьке пришлось кормить себя самостоятельно.

Когда в России запахло смутой, 16-летний революционер работал на одном из заводов под Пермью – в Мотовилихе. Работать не очень любил. Куда интереснее было бегать на сборища, которые организовывали появившиеся на Урале большевики. “Мне всё было нипочём, – писал он позже в своей книге. – Забастовка. Бегу на собрание, раздаю прокламации. Кидаю металлические гайки в стариков, которые не хотят бастовать и продолжают работать. Выгоняет их из завода... Волнуюсь, кричу, слушаю, учусь, читаю”. Так описывает он себя. Другие рассказывают: Ганька очень часто дрался и был страшно самолюбив. Когда во время попытки революции в 1905 году они разоружали охрану завода, он отхватил себе пистолет и убил двух казаков.

Арестовали тогда 54 человека. Мясникову удалось выкрутиться. Он получил лишь 2 года 8 месяцев каторжных работ, но, прибыв на место, продал всё, что у него было, включая арестантскую одежду, купил лодку и бежал. Позже его снова арестовывали, и не раз, но ему удавалось бежать вновь. Тем более что бежать с либеральной царской каторги и из мест ссылки было легко. Большевикам часто удавались побег.

После Февральской революции Ганька Мясников достал из мешка свою арестантскую робу и напялил её на себя. Он всегда был озабочен, прежде всего, собственной персоной, своим имиджем, как сказали бы сейчас.

Мясников очень любил выступать. Ему – крикуну и говоруну – это нужно было, как хлеб. Подставит себе под ноги ведро или ящик, чтобы выше казаться,

и давай мутить рабочих. Особым своим соперником он считал большевика Александра Борчанинова. Тот и грамотнее был, и аккуратней, а особенно невзлюбил его оттого, что у Сашки куртка была студенческая, с медными начищенными до блеска пуговицами.

“Скубентов” (студентов) и интеллигентов Мясников презирал. И однажды открыто заявил: “Ты мой враг, Борчанинов!”

Большевик Зуев В. А. в своих воспоминаниях написал: “Говорун, ну и говорун был Ганька. Даже Борчанинов не мог с ним тягаться”. “Свой мужик – правильно говорит!” – поощряла его толпа. А призывы у Ганьки всегда были ломовые: “Признать Государственную Думу контрреволюционной!”

Наступил январь 1918 года. Мясникова к тому времени некоторые товарищи уже стали именовать Гавриилом Ильичом. Но он свои письма в Центр подписывал просто “Ганька”. Многие, и Ленин в том числе, считали это партийной кличкой. К началу 1918 года Ганька, по-прежнему не желавший ни работать, ни воевать (он “откосил” от призыва в армию в Первую мировую, сказавшись больным), решил, что пойдёт по “партийной” линии. Очень многие потом говорили: “Мне партия дала всё!” И были правы.

Если бы не революция, многие маргиналы так и остались бы маргиналами. Но революционная ситуация их консолидировала, свела вместе и наделила исторической возможностью судить, командовать, решать судьбы людей и страны. Пустив “в распыл” правящий класс, вчерашние босяки стали начальниками, вожаками. Они организовывали ревкомы, губкомы, ЧК, УЧК, ЦК и т. д., и т. д. Все эти структуры часто возглавляли толком не знающие грамоты люди. Занимались они, главным образом, “экспроприацией” – грабежами, насилием, сведением счётов. Когда читаешь архивные документы, просто диву даёшься, какие чудовищные поступки с гордостью описывали новые “хозяева жизни”.

Чтобы свершить свой “праведный суд”, Ганька даже в чекисты записался. Вот как он это описывает в своей книге “Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова”:

“Долго и мучительно соображал, как поступить, и, наконец, решил: пойдду работать в ЧК и проведу свою линию”.

Встретившись в губкоме партии с М. Туркиным, секретарём Пермского губкома, сказал, что хочет пойти работать в ЧК.

Туркин удивился:

– Ты что, малость спятил?

Мясников ответил:

– Нет, ты помоги мне срочно провести переизбрание меня – председателя Мотовилихинского Совета. Я скажу: “Ухожу временно”, – и народ согласится.

* * *

Ганьке никто из Центра указаний не давал. Большевики были у власти немногим более полугода и чувствовали себя ещё неуверенно. Готовя убийство царя и его семьи, заботились о том, чтобы их образ во внешнем мире не выглядел чересчур кровавым. Поэтому ко всем жертвам, с которыми не терпелось расправиться, являлись ночью и убивали без суда и следствия.

Так поступили и в этот раз. 13 июня в 00 часов 10 минут в городскую гостиницу “Королёвские номера” заявилось четверо вооружённых наганями людей. Они сразу направились в комнаты, где размещались Великий князь и его помощник-секретарь. Накануне Михаил Александрович Романов, которому были предоставлены всякие “вольности” после краткого нахождения под арестом в пермской тюрьме, гулял по городу, любовался с набережной видами Камы, общался с теми, кто его сопровождал в этих прогулках. В тот роковой вечер Михаил Романов только собирался ложиться спать, как в комнату вошли люди в чёрных кожаных тужурках и объявили, что он должен пойти с ними. Челябинь быстро разбежалась, и лишь один человек – его помощник и личный секретарь – бесстрашно выступил вперёд и потребовал у прибывших “мандат” и удостоверения личности.

“Назойливый англичанин”, как прозвали его между собой большевики, спутал им карты, не позволив увести Великого князя одного. Его тоже было решено забрать вместе с Романовым.

“Не удалось отвязаться от проклятого англичанина. Джонсон испортил мне всё дело”, — напишет позже Мясников в работе “Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова”, которую он закончил в 1935 году, оказавшись в эмиграции.

Да, вот так! Многие убийцы обожали писать мемуары. А убийцы, что в Екатеринбурге, что в Перми, — расправа с родом Романовых состоялась в два этапа с разрывом чуть больше месяца, — чувствовали себя чуть ли не героями.

Вот как описывает эти события один из убийц — А. В. Марков. Его свидетельство сохранилось в Пермском архиве. Датировано 15 февраля 1924 года. В 1918 году Марков управлял в Перми кинематографом “Луч” и одновременно был агентурным работником Пермской ЧК. Мясников проводил свои совещания с исполнителями у него в каморке, под стрекот кинопроектора, чтобы никто посторонний не мог подслушать.

“Не помню точно число и месяц, когда появился Михаил Романов в г. Перми. Но в конце мая 1918 года и в начале июня в г. Перми и Мотовилихе среди населения стали упорно ходить слухи, что Михаил Романов, живя в Перми, часто гуляет по городу... эти прогулки и его проживание совпало как есть с моментом описи имущества в церквях”.

Чтобы дать оправдание своему преступлению, далее Марков объясняет, что события развивались для большевиков не лучшим образом.

“... время было не особенно спокойное. Особенно много беспокоились старухи набожные, которые собирались около церквей, а попы вели агитацию, что большевики хотят обирать церкви, а когда эти же “божьи старушки” узнали о пребывании Михаила Романова, то началось нечто вроде паломничества на места, где гулял Михаил Романов, чтобы хоть глазком взглянуть”.

Узнав, о том, что Великий князь Михаил Романов оказался в Перми (в каком-то смысле потенциальный российский император — ведь именно в его пользу Николай II отрёкся от престола), Мясников пришёл в страшное возбуждение. Он давно искал повод проявить себя как-то по-особенному. И вот она — удача! Возможность убить царского брата.

Он был буквально обуян этой идеей. Чувствовал себя чуть ли не будущей жертвой, готовой принять наказание за революционный самосуд. Он, как ему показалось, раскусил замысел большевистских вождей: они, озабоченные тем, что будут выглядеть цареубийцами в глазах внешнего мира, не хотели отдавать прямых приказов — начать расстрелы царской семьи. В “Философии убийства” Мясников так и писал: “Ленин и Свердлов позволили Романову свободное проживание, и допущено такое в целях избежания обострений с буржуазными странами. Ленин и Свердлов делают либеральные жесты... Ну, тогда надо сделать так, чтобы и голову контрреволюции снять, и советскую власть оставить в стороне”.

В его “Философии убийства” неоднократно, в разных вариациях проходит мысль: “Если сойдёт всё гладко, это послужит началом к уничтожению всех Романовых”. И ещё: “Ни одна общественная группа не решится на убийство Михаила... Я один — за. Это тяжело... Вот я иду убивать. Я — один. Не могу сказать ни Ленину, ни Свердлову, ни даже Туркину... Надо быть готовым к ответственности”.

Сколько здесь позёрства и самолюбования! Но знал, хорошо знал хитрый Ганька: никакой ответственности ему нести не придётся. В случае чего, заступится лютый Свердлов за своего верного ученика. Он будто почувствовал, что именно Свердлов через месяц с небольшим отдаст “тайное распоряжение” убить не только царя с царицей, но и их детей.

Вернёмся к воспоминаниям Маркова. По его словам, надвигалось бурное время, к Перми приближался Колчак, “бушевала буржуазия”, так как шла национализация имущества, а большевики тогда были не так сильны. В Мотовилихинском Совете они составляли только половину, остальная часть были меньшевики и эсеры. “Борьба с ними также велась отчаянная, — вспоминает Марков, — они также были против нас и вели агитацию, и даже вооружились. Мы же, большевики, хотя и были вооружены, но слабо, хотя главные посты власти были в наших руках”.

И вот, чтобы “не удрал бы как из Перми куда-либо или не украли бы, или не скрыли бы куда Михаила Романова”, небольшая группа большевиков из горкома партии и ЧК решили Михаила Романова “изъять из обращения”.

Расстрельщиков было четверо: А. В. Марков, В. А. Иванченко, И. В. Колпащиков и Н. В. Жужгов – боевик, известный в крае своей жестокостью. Мясников, когда понял, что один не справится, отбирал исполнителей с особым пристрастием. Важно было, чтоб не проболтались никому, да и с ролью справились. А должно было всё выглядеть так, будто Романову помогли бежать “свои”. Для этого нужно было одеться в офицерскую одежду. Мясников хотел, чтобы очевидцы и свидетели – служащие гостиницы – описывали “каких-то офицеров”.

Из воспоминаний Маркова: “Решено было так: явиться около 11 часов вечера в гостиницу, где жил Михаил Романов, предъявить ему документ, подписанный тов. Малковым, о срочном его выезде из г. Перми по указанию лиц, предъявивших мандат. Если он будет сопротивляться и откажется следовать, то взять силой. Документ этот, я сел за пишущую машинку и напечатал, поставили не особенно ясно печать, а тов. Малков неразборчиво подписал. Во время печатания мною на машинке мандата пришёл в Губчека т. Сорокин – инженер, в то время Предгубисполкома. Он догадался, что мы чего-то затеваем, засмеялся и ушёл”.

Всё прошло по-задуманному. Подъехав к гостинице, они поднялись в номера, но натолкнулись на отказ Романова ехать куда-то в полночь.

Из воспоминаний Маркова: “Тогда я, вооружённый наганом и ручной бомбой, вошёл в помещение, стража у дверей растерялась, пропустили беспрепятственно, как первых двоих, так и меня. Я занял место в коридоре, не допуская никого к телефону оборвал провода, вошёл в комнату, где жил Романов, он продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора. Тогда я потребовал взять его в чём он есть. На него накинули что попало и взяли, тогда он поспешно стал собираться, спросил, нужно ли брать с собой какие-либо вещи. С собой вещи брать я отказал, сказал, что ваши вещи возьмут другие. Тогда он просил взять с собой хотя его личного секретаря Джонсона – это ему было представлено. После чего он наскоро накинул на себя плащ. Жужгов тотчас же взял его за шиворот и потребовал, чтоб он выходил на улицу, что он исполнил. Джонсон добровольно вышел из комнаты на улицу, где нас ждали лошади. Михаила Романова посадили на первую лошадь. Жужгов сел за кучера, а Иванченко рядом с Михаилом Романовым, я посадил с собой Джонсона, а Колпащиков за кучера и, таким образом, в закрытых фаэтонах (к тому же моросил дождик) мы тронулись по направлению к Мотовилихе по тракту”.

Поехали убийцы в район речушки Архиерейки – излюбленное место, где в летнее время большевики Мотовилихи скрывались от полиции, проводили партийные собрания и встречи, где и намеревались осуществить задуманное.

Сначала Михаил Романов и его помощник вели себя спокойно, а когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Им объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там, в особом вагоне, их отправят дальше. Затем события развивались совсем не так, как нам долгие годы показывали в кино “про красных”. “Именем революции” не звучало, никто ничего не зачитывал, арестованных ни в чём не обвинили. Похитители заехали в лес прямо у дороги. Далее слово вновь убийце.

“Жужгов кричит: “Приехали – вылезай”. Я быстро выскочил и потребовал, чтобы мой седок (помощник и друг Михаила Романова. – **Н. П.**) то же самое сделал. И только он стал выходить из фаэтона, – я выстрелил ему в висок, он, качаясь, упал, Колпащиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но ранил только Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарём. В это время у т. Жужгова застрял барабан нагана (не повернулся, вследствие удлинения пули от первого выстрела, т. к. пули у него были самодельные). Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаилу Романову, отчего он свалился тотчас же”.

Из воспоминаний Маркова: “Жужгов ругается, что его наган дал осечку, Колпащиков тоже ругается, что у него застрял патрон в браунинге, а первая лошадь, на которой ехал т. Иванченко, испугавшись первых выстрелов, понеслась дальше в лес, но коляска задела за что-то и перевернулась, тов. Иванченко побежал её догонять и, когда он вернулся, уже всё было кончено. Начинало светать. Это было 12 июня, но было почему-то очень холодно. Зарыть нам нельзя было, так как светало быстро и недалеко от дороги. Мы только стащили их вместе в сторону от дороги, завалили прутьями и уехали в Мото-

вилиху. Зарывать ездил на другую ночь тов. Жужгов. Когда ехали обратно, то я ехал с тов. Иванченко вместе, разговаривали по этому случаю, были оба очень хладнокровны, только я замёрз, т<ак> к<ак> был в одной гимнастёрке”.

* * *

... Однако не принесло оно его участникам того признания и продвижения в системе новой власти, на которое они, вероятно, рассчитывали. Боевик Жужгов, который оставил себе “на память” портсигар князя, табачницу с вензелями, мундштук и ножичек, был в 1921 году выгнан из милиции за беспорядное пьянство. Этого выродка до сих пор помнят в Перми. В одном из храмов города мне рассказали, как он расправился с архиепископом Пермским и Кунгурским, выпускником Московской духовной академии Андроником (Владимиром Никольским). Жужгов заставил Андроника самого рыть могилу, закопал его живым и только потом разрядил ему в голову всю обойму пистолета.

У Мясникова партийная карьера тоже не сложилась. В “Тобольских епархиальных новостях” № 17 за 1919 год Мясникова назвали “зверем в образе человека, кровавым руководителем Мотовилихинского застенка”. Именно он был инициатором и вдохновителем казни, но не зачлось Ганьке его злодейство. В руководство партии он так и не попал, занимался в основном дискуссиями: то носился с идеей создать “Союз хлеборобов”, то “рабочую оппозицию”, стал известен в партийных кругах своей полемикой с Лениным. В 1922 году его отправили в Германию, в советское посольство. Но он там не удержался, за раскольническую деятельность был арестован и провёл 3 года уже в советской тюрьме. Когда его освободили, то отправили в Ереван, но он спрыгнул с поезда и перешёл границу с Персией. Несколько лет жил в Париже. Пытался создать “Рабочий коммунистический интернационал”, но средств ни на политику, ни просто на жизнь у него не было. Из-за этого он рвался обратно в Советский Союз. С этой целью в 1935 году написал и направил Сталину свою исповедь: “Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова”. Очень надеялся получить прощение от вождя и разрешение вернуться в Москву к жене и детям. Но на Сталина литературный труд Мясникова ожидаемого воздействия, видимо, не произвёл. Разрешение вернуться он получил только десять лет спустя – в 1945 году. Арестовали его прямо на аэродроме. Следствие длилось около 9 месяцев. Из тюрьмы “с почтением к учреждению и к его главе – гражданину наркому Комиссариата госбезопасности”, он писал прошение: “После 3 месяцев чистилища разрешите мне хотя бы то, что (всегда) разрешил царский режим”. Но товарищ Ульрих этим просьбам не внял. Через полгода Мясникова расстреляли.

Что касается Маркова, у которого единственного во время расстрела не заклинило пистолет, то он прожил долгую, но малопримечательную жизнь. Одну из встреч с ним описала Надежда Алексеевна Аликина, автор книги о пермской трагедии.

“Летом 1964 года на одной из встреч с А. В. Марковым в Москве я обратила внимание на его ручные часы необычной формы и, похоже, очень древние, даже музейные. На вопрос: “Откуда такие?” – Марков ответил, что они принадлежали личному секретарю Великого князя Романова, англичанину Брайану Джонсону, и что он взял их на память с руки Джонсона после расстрела.

– С тех пор не снимаю, – сказал он. И добавил: – Хорошо идут, ни разу не ремонтировал, только время от времени отдаю в чистку”.

Совесь его, судя по всему, не мучила.

И ещё об одном персонаже этой жуткой истории – об убитом вместе с Михаилом Романовым его верном помощнике. Убеждение, что Джонсон – англичанин, родилось у Мясникова от того, что между собой князь и секретарь иногда переговаривались по-английски. Но, как выяснилось, был он не англичанин, а русский офицер. А Брайаном Великий князь звал его чисто по-дружески. Окончательную ясность в эту трагическую историю внёс гражданин Чехии – Быстров Владимир Владимирович. Он привёз в Пермский архив документы и старые фотографии, доказывающие, что его двоюродный дед – Николай Николаевич Жонсон (из обрусевших французов) – до 1903 года был офицером российской императорской армии. А затем всю оставшуюся жизнь служил верой и честью Великому князю Михаилу, с которым познакомился в артиллерийском училище. С ним же он и отправился на верную смерть, отказавшись оставить его одного в ту дождливую, светлую ночь в далёком приуральском крае.